

A stylized illustration of a woman with short, dark, wavy hair. Her eyes are a striking, glowing orange color. She is wearing a dark jacket and a small hoop earring. The background is dark with some faint, out-of-focus lights.

ПРОТИВ ШЕРСТИ

СТЕФАН СЕРВАН

Перевод Юлии Пугаченковой

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Предостережение от автора

Текст, который вы собираетесь прочесть, не вымысел. Это расшифровка рассказанного Луизой Р, которой было семнадцать на момент нашей встречи.

Беседа состоялась в месте, которое я не стану раскрывать по вполне понятным соображениям безопасности, и длилась она несколько часов без комментариев с моей стороны.

Все имена и фамилии реальны, а события происходили именно в тех локациях, которые описаны в истории, и достоверность этих событий в большинстве случаев легко поддается проверке.

Чтобы облегчить чтение, в том числе из-за неточности воспоминаний, я был вынужден отредактировать некоторые диалоги и части повествования, заботясь о том, чтобы как можно более верно описать произошедшее в жизни Луизы Р.

Должен также добавить, что я отнюдь не стремлюсь отразить в этом тексте какую-либо позицию по поводу обстоятельств, которые потрясают нашу страну и весь мир в течение последних месяцев.

Я всего лишь записал рассказ.

И если сегодня я вверяю его вам, то делаю это потому, что в нем содержится повествование о необыкновенных вещах, повествование, которое,

я надеюсь, прольет свет на все, что происходит в наше беспокойное время.

Мне хотелось бы поблагодарить моего издателя за смелость.

Один только факт публикации этого произведения является нарушением множества статей закона и подвергает нас — и его, и меня — риску общественного порицания, а также уголовного преследования по нескольким пунктам.

И я, и мой издатель несем полную ответственность за последствия публикации этого произведения.

Наконец, я хотел бы выразить признательность книготорговцам, которые отважатся предложить эту книгу своим читательницам и читателям. Мы рассчитываем на вас, как никогда прежде.

Думать — значит перестать подчиняться.

Читать — значит готовиться к бою.

Ну что, вы готовы?

Я вам расскажу, что произошло, хотя знаю, что рассказанное мной вряд ли изменит облик мира, по этому поводу я особо не строю себе иллюзий.

Облик мира не менялся со времен его сотворения, и по сей день он не отличается красотой. Кто-то может даже сказать, что у мира гнусная наружность.

Ну что же, в этом есть доля истины.

Вот только человек мало что смыслит в красоте.

Кстати, не больше, чем в правде.

Я прочла однажды, что правда всегда в руках сильнейших.

Это не так. Правда принадлежит тем, кто может заставить других замолчать.

Именно поэтому я вам и расскажу о том, что произошло, — я верю в силу слова и силу историй. Конечно, это всего лишь моя версия правды о случившемся, но она ничем не хуже остальных версий, по крайней мере я так считаю. Знаю, что многие со мной не согласятся. Особенно те, кто сомневаются в моей способности мыслить и даже отказывают мне в самом праве мыслить. Но факт остается фактом: я мыслю, чувствую, смеюсь и плачу. А еще я умею любить.

Признайте, если я смертна, значит, и любить могу. Сегодня говорить опасно. Если меня найдут, то совершенно точно повесят, вы это знаете.

Вы ждете, что я скажу вам, будто мне на это наплевать? Что мне нечего терять? Что я ко всему готова?

Вот уж нет.

Мне не все равно. Нисколечко. Я хочу жить. Но сегодня я должна говорить, и я готова рискнуть.

Я ничего не прошу взамен.

Если я вам не нравлюсь, это ваше дело. Я такая, какая есть.

Уясните: я такая, какая есть.

Я не прошу пощады. Не молю о жалости. Ни в коем случае. Я просто хочу рассказать о том, что произошло, потому что мы слишком долго молчали. Чересчур долго.

И говорить я буду не для вас.

А ради каждой из нас.

Начну, как только вы будете готовы.

Готовы?

***

Когда я была маленькой, мама подарила мне книгу греческих мифов. Я обожала эти истории, хотя и не все понимала. Хоть это и было адаптированное издание для детей, но волшебные и странные легенды все равно оставались пронизанными насилием. Отцы проглатывали своих сыновей, возлюбленные превращались в цветы, а еще я помню, что девушки часто становились жертвами вожделения богов. И чтобы добиться своего, боги были готовы превратиться в быка, в муравья или даже в золотой дождь.

Меня это завораживало. Казалось, что богов можно обнаружить за каждым камнем и за любым, даже самым маленьким облаком. Я повсюду высматривала признаки их присутствия, но они ни разу себя не выдали.

Чуть позже, в старшей школе, я подседа на ужастики. С попкорном в руках мы с Сарой вжимались в диван и дрожали перед телевизором. Затем забивались под одеяло в ее комнате и рассказывали друг другу страшилки о привидениях, проклятых куклах и злобных нянях.

Наибольшим успехом у нас пользовалась история о «кабинке покойницы».

Каждая девочка в школе знала эту легенду.

Речь шла о дальней кабинке в самой глубине раздевалки бассейна, куда практически не попадал свет. Все избегали этого места. Стенки кабинки были покрыты сероватой плесенью. Несло оттуда то ли канализацией, то ли гнилью, как будто под плиткой замуровали труп. Рассказывали про дырку в стене, через которую парни могут видеть все, что происходит в кабинке. Что старый Бурден, который кем только ни работал в нашей школе, часто приходит туда подглядывать. И что, если прислушаться, можно услышать его прерывистые вздохи. А вонь на самом деле не что иное, как дыхание Бурдена.

Еще чаще рассказывали, что десять лет назад какая-то девушка совершила там самоубийство, отсюда и название кабинки. Она повесилась, потому что ей нравились девочки, а не мальчики и весь лицей узнал ее секрет. Больше всего ей доставалось от одного парня, который без конца ее терроризировал. Издевки, анонимные письма, обидные надписи на стенах — это и довело ее до отчаяния.

И конечно же, у всех были знакомые, у которых была кузина или подруга кузины, которая училась в нашей школе в то время. Все могли припомнить какую-то мелкую подробность о бедной девушке.

Как ее звали. Какого цвета были ее волосы. Каким шампунем она пользовалась. Вот только ничего не было известно о ее обидчике. У каждой девушки был свой кандидат. Прежде всех, конечно, обвиняли старого Бурдена. Учитель физкультуры, директор, некоторые из старшеклассников и технического персонала и все смуглые ребята из средней школы были в списке подозреваемых. Поговаривали, что призрак покойницы ждал в кабинке живую девушку, чтобы рассказать ей о своих страданиях, о стыде, боли и, конечно, о своей любви. Покойница ждала девушку, которой бы тоже нравились девушки. Один поцелуй в губы — и ты уже невеста покойницы и обречена на вечную жизнь с призраком проклятой возлюбленной за плесневелой стеной.

Конечно, это были всего лишь глупые мрачные выдумки. Подростковые штучки. Кроме проблем с канализацией, ничего страшного в этой кабинке не случалось, но все девушки держались от нее подальше.

Кроме одной.

Ее звали Алексия, да, именно в раздевалке бассейна это и началось.

Ну, то есть началось все, конечно, намного раньше. Но тогда никто этого не понимал, даже мы сами. Мутация еще не была явной. И нельзя сказать, что произошедшее в тот день раскрыло нам глаза. Ни одна из нас не смогла трезво оценить сцену, разыгравшуюся в кабинках раздевалки, стенки которых обволакивали непристойные надписи и запах хлорки. Как мы тогда к этому отнеслись? В нашей нудной подростковой жизни произошла движуха! Одно

из тех редких событий, что нарушают монотонность школьных дней. Появилась возможность выплунуть из себя смешками вязкие будни. Не знаю, сколько вам лет, но вы ведь понимаете, о чем я, правда?

Конечно, это было жестоко.

Я это понимала, хоть и смеялась вместе с остальными.

На самом деле смешно мне не было, и все-таки я смеялась. Чтобы как-то разбить рутину. Но если уж быть честной до конца, то смеялась я, чтобы успокоиться. Потому что мне было страшно. Я была в ужасе.

Я смотрела на Алексею, у ног которой валялось красное полотенце, на остальных ребят, которые хохотали, стоя вокруг нее, на парней, которые хмурились и тыкали в Алексею пальцем, и на странную ухмылку, почти что улыбку, под усами учителя физкультуры. Я смотрела на Алексею, на ее беспомощно опущенные руки, на ее лицо, ее слезы и повторяла про себя: «Луиза, на ее месте могла быть ты, на ее месте могла быть ты». Но я смеялась вместе с остальными: с Сарой, с Морган, с Фатией. Я смеялась, потому что с облегчением осознавала: в этой ситуации я оказалась на правильной стороне. И я даже не задумывалась, кому дано право решать, какая из сторон правильная, а какая — нет.

Так, прежде чем продолжать историю, я должна рассказать вам о моих одноклассниках.

Нас было двенадцать девчонок. Двенадцать подростков, двенадцать слишком худых, слишком полных, слишком зажатых тел. Двенадцать несовершенных тел, которые мы пытались укротить, словно диких лошадей. Наши лошади были мятежными, дрянными,

непокорными. Ну и натерпелись мы в попытках их обуздать. И все равно они жили сами по себе, не подчиняясь нам. Наши тела не давали нам покоя, борьба с ними изматывала. Возможно, поэтому мы так зло поступили с Алексией в тот день. Из-за мести к нашим собственным телам.

Мое тело уж точно мне было врагом. Только в воде я могла выдохнуть. Поэтому я и любила уроки плавания, несмотря на испытания, которые приходилось преодолевать в раздевалке. Как только я заходила в воду, меня охватывало ощущение легкости, будто я сбрасывала с себя тело. Или, скорее, наконец-то достигала с ним согласия. Чувство невесомости, отсутствия гравитации. Чувство свободы. Такая свобода знакома рыбам. Или русалкам.

Но сначала нужно было пройти через раздевалку. Вынести взгляды, подмигивания и насмешки одноклассниц. Переодеваясь, я слышала шутки парней по ту сторону перегородки. В отличие от нас, девчонок, парни уже давно научились глумиться над своими комплексами. Так уж их растили. Они бы предпочли сдохнуть, чем признаться, что они до сих пор мальчишки, которые боятся своего тела, а еще темноты.

На кабинках в женской раздевалке не было дверок. Переодеваться приходилось быстро: скинуть одежду — камуфляж, стянуть за задник туфли, скомкать трусы и носки и засунуть их в спортивную сумку, задержать дыхание, втянуть живот, натянуть слитный купальник, расправить плечи, сделать вид, что все в порядке, вести себя естественно, будто у тебя все под контролем. И при этом избегать взглядов других одиннадцати девушек. Ну и пытка. Но потом нас

ждал бассейн. Много-много воды, в которой я могла забыть о теле.

В тот день, как и всегда, физрук хлопнул в ладоши, чтобы мы поскорее выходили из раздевалок. Он вечно психовал из-за того, что мы копаемся.

— Так, девчонки, хватит марафетиться, вы идете плавать, а не на вечеринку, выходим, выходим!

Я ненавидела этого типа, его усы и его тупые старперские шутки.

Мы друг за другом вышли из раздевалки. Чуть в стороне, скрестив на груди руки, стояли парни. Они бросали на нас взгляды и смотрели будто бы мимо, но мы-то знали, что они пытаются понять, что скрывается у нас под купальниками. И только на мне никто не задерживал взгляд.

Учитель пересчитал нас. Одиннадцать человек.

— Кого нет? — спросил он.

Мы смотрели друг на друга, пожимая плечами.

— Вас здесь одиннадцать. Кто двенадцатая?

Никто не ответил. Тогда я сказала:

— Алексия.

Я помнила, что видела, как она пошла в самый конец раздевалки в сторону последней кабинки. К кабинке покойницы.

— Алексия? — спросил учитель, дернув усами. — Алексия как там ее?

Я назвала ее фамилию. Усы учителя снова зашевелились.

Алексия была тихой, даже слишком. Я ее знала с начальной школы. Мы дружили. Затем, когда мы перешли в среднюю школу, Алексия увяла, будто срезанный цветок, который оставили под палящим солнцем, и мы с ней отделились друг от друга.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

